

ТЕОРИЯ • THEORY Научная статья • Article

Д. К. Равинский

Массовое чтение в России эпохи перемен (1970–1990-е гг.)¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию эволюции феномена массового чтения в СССР и России в последние десятилетия XX в. – период социально-политических трансформаций. Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления роли чтения не только как культурной практики, но и как индикатора глубинных общественных процессов. Изучение смены читательских приоритетов выходит за рамки маркетингового анализа и позволяет выявить ценностные сдвиги, изменения в коллективном сознании и различное переживание исторического времени в эпохи стагнации, реформ и кризиса. Цель исследования – проанализировать, как трансформировались структура, мотивы и содержание массового чтения в зависимости от меняющегося социально-исторического контекста, отмечая ключевые этапы этой эволюции. Автор выделяет три принципиально различных периода: эпоху позднего «брежневского» социализма» (1970-е – 1985 гг.), время перестройки (1986–1991 гг.) и постсоветский период 1990-х гг. На каждом из этих этапов менялись читательские предпочтения, мотивы обращения к книге и ее символическая роль в обществе. Выводы свидетельствуют о тесной взаимосвязи между политико-идеологическим климатом в стране, состоянием книжного рынка и практиками чтения.

Ключевые слова: массовое чтение в России, исследования чтения, социологические исследования читателей, советские читатели, жанровая литература, А. Маринина, гласность

Для цитирования: Равинский Д. К. Массовое чтение в России эпохи перемен (1970–1990-е гг.) // Книга. Чтение. Медиасреда. 2026. Т. 4, № 1. С. 10–20. <https://doi.org/10.20913/BRM-4-1-1>

Статья поступила в редакцию 01.05.2025
Получена после доработки 27.12.2025
Принята для публикации 28.04.2026

Равинский Дмитрий Константинович
независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия,
кандидат педагогических наук
SPIN: 7838-9439
e-mail: dravinskij@mail.ru

© Д. К. Равинский, 2026

¹ Сокращенный авторский перевод статьи: Ravinskii D. Mass reading in an era of change // Reading Russian literature, 1980–2024. Literary consumption, memory and identity. Leiden, 2024. P. 11–33.

D. K. Ravinsky

Mass Reading in Russia in the Era of Change (1970–1990s)

Ravinsky Dmitry K.

Independent Researcher, Saint Petersburg, Russia,

Candidate of Pedagogical Sciences

SPIN: 7838-9439

e-mail: dravinskij@mail.ru

Abstract. The article examines the evolution of the phenomenon of mass reading in the USSR and Russia during the last decades of the 20th century – a period of sociopolitical transformations. The relevance of the work is determined by the need to understand the role of reading not only as a cultural practice, but also as an indicator of underlying social processes. The study of changing reader priorities goes beyond marketing analysis and allows us to identify value shifts, changes in collective consciousness, and different experiences of historical time in the eras of stagnation, reforms, and crisis. The purpose of the study is to analyze how the structure, motives and content of mass reading have transformed in response to the changing sociohistorical context, highlighting the key stages of this evolution. The author identifies three fundamentally different periods: the era of late “Brezhnev’s socialism” (1970s – 1985), the time of perestroika (1986–1991) and the post-Soviet period of the 1990s. At each stage, reading preferences, motivations for engaging with books, and the book’s symbolic role in society underwent change. The findings indicate a close relationship between the political and ideological climate in the country, the state of the book market, and reading practices.

Keywords: mass reading in Russia, reading studies, sociological studies of readers, Soviet readers, genre literature, A. Marinina, glasnost

Citation: Ravinsky D. K. Mass Reading in Russia in the Era of Change (1970–1990s) // Book. Reading. Media. 2026. Vol. 4, No. 1. P. 10–20. <https://doi.org/10.20913/BRM-4-1-1>

Received 01.05.2025

Revised 27.12.2025

Accepted 28.04.2026

Введение

Тезис о литературоцентричности русской культуры давно стал общепринятым: действительно, книга, чтение, литература, писатели в России/СССР пользовались уважением и доверием. Огромные тиражи выпускаемых в СССР книг и журналов, интерес молодежи к новинкам вызывали восхищение гостей из-за рубежа. Е. А. Добренко подробно разобрал механизм «формовки читателя» советского времени [Добренко, 1997], добавим лишь, что важным фактором являлось существование богатых, хорошо подобранных книжных собраний в интеллигентных семьях, хранивших культурное наследие предыдущих поколений, что помогало противостоять «формовке». После войны, репрессий, переездов число «несоветских» домашних библиотек значительно уменьшилось: по данным начала 1980-х гг., большие (1–1,5 тыс. книг) домашние библиотеки составляли лишь около 5 % домашних книжных собраний страны [Гудков², Дубин, 1995, с. 10]. Соответственно

возросла и гомогенность чтения, почти монопольными источниками которого становились государственные книжные магазины и библиотеки.

Изучение массового чтения – не самая заметная область гуманитарных исследований, однако осмысление смены читательских приоритетов все чаще выходит за рамки маркетинговых исследований и позволяет судить о глубинных тенденциях, происходящих в обществе. В нашей стране важную роль в становлении и развитии социологии чтения сыграл субъективный фактор. В крупнейшей библиотеке страны, Государственной библиотеке имени В. И. Ленина (ГБЛ), после 1991 г. ставшей Российской государственной библиотекой (РГБ), в течение многих лет работал сектор социологии чтения. Возглавлявшая этот сектор В. Д. Стельмах смогла собрать к началу 1980-х гг. группу молодых интеллектуалов, зачастую изгнанных из других учреждений, что позволило и в «застойные» времена провести ряд серьезных исследований. В секторе работали также видные социологи Л. Д. Гудков³,

² Включен Министерством юстиции РФ в Реестр иностранных агентов: Реестр иностранных агентов // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov> (дата обращения: 23.12.2025).

³ Включен Министерством юстиции РФ в Реестр иностранных агентов: Реестр иностранных агентов // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov> (дата обращения: 23.12.2025).

Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая, что обеспечило, с одной стороны, профессиональную квалификацию проводимых библиотекой конкретных исследований, а с другой – глубокую социологическую интерпретацию полученных данных. Работы этих специалистов, а также сотрудников сектора социологии чтения В. Д. Стельмах, А. И. Рейтблата, Г. Р. Якимова и сформировали методологическую основу настоящей статьи. Цель статьи – проследить эволюцию массового чтения в СССР/России в последние десятилетия XX в., разделив их на три периода: позднего, «брежневского» социализма (1970-е – 1985 гг.); время перестройки (1986–1991 гг.) и постсоветский («девяностые годы»). Картина массового чтения в каждый из названных периодов менялась принципиально. Нам представляется плодотворным связать эти перемены с особенностями переживания исторического времени.

Брежневский период (1970-е – 1985 гг.)

В 1985 г. в СССР было издано 83 976 книг общим тиражом 2 млрд 150 млн 700 тыс. экземпляров. Выходило 1 524 журнала общим годовым тиражом 2 млрд 640 млн 600 тыс. экземпляров и 8 427 газет общим тиражом 43 млрд 455 млн 600 тыс. Росло и число читателей: по данным исследования ГБЛ середины 1970-х гг., к числу читателей относилось 95 % жителей небольших городов и 87 % сельских жителей. При этом, правда, значительная их часть (приблизительно пятая) читала только газеты [Добрынина, Рейтблат, 1990, с. 15].

Увеличивался и объем домашних собраний: в Ленинграде с 1970 по 1977 г. размер домашних библиотек вырос у инженеров в 1,5 раза, а у рабочих – в 1,2–1,3 раза [Добрынина, Рейтблат, 1990, с. 18]. Причиной этому послужили не только растущая урбанизация и активное жилищное строительство, но и рост престижности чтения. Однако прекрасные количественные показатели не отражали реальной картины массового чтения тех лет. Издательская деятельность в принципе не была ориентирована на читательский спрос – значительную часть печатной продукции составляла низкосортная пропагандистская литература, не вызывавшая интереса у людей. Показательно, что в массовых библиотеках от 30 до 50 % книг, находившихся на полках открытого доступа (то есть так называемая рекомендуемая литература), либо не выдавались ни разу, либо были взяты один раз за несколько лет. По подсчетам экспертов, число таких книг достигало в целом по стране 2,5–3 млрд экземпляров – величины, равной годовому тиражу всей книжной продукции. Одновременно неудовлетворенный читательский спрос составлял в массовых библиотеках от 40 до 90 % (в зависимости от темы, жанра или

автора) [Дубин, Гудков⁴, 1995, с. 11]⁵. Такое положение во многом объяснялось тем, что в библиотеках, рассчитанных на самого широкого читателя, существовала нормативная структура фонда: художественная литература (вместе с детской и филологической) должна была составлять 51,5 %, общественно-политическая литература – 22 %, по другим отраслям знания – 26,5 % [Анализ первичной статистики, 1983, с. 12].

Подобным образом дело обстояло не только в библиотеках. Вот результаты опроса 1984 г. [Сморodinская, 1990, с. 66], где респондентов спрашивали, произведения каких авторов они хотели бы приобрести для своей домашней библиотеки, а что они реально приобрели. Интересны ответы, касавшиеся 10 лидеров советской литературы:

Хотели бы приобрести	Число упоминаний
М. Шолохов	69
В. Пиккуль	69
М. Булгаков	59
Ю. Семенов	56
А. Н. Толстой	49
А. Иванов	46
Ю. Бондарев	40
В. Шукшин	39
К. Симонов	37
И. Ефремов	35

А вот что реально приобрели:

К. Федин	50
А. Н. Толстой	38
М. Горький	31
Ю. Бондарев	29
В. Шукшин	28
М. Шолохов	24
Ю. Семенов	22
А. Чаковский	21
С. Есенин	20
В. Ян	15

Как можно видеть, списки существенно различаются. Показательно, что первое место со значительным отрывом среди реальных приобретений заняли сочинения К. А. Федина, не вошедшие в первую десятку «списка желаний». Действовал универсальный принцип советской жизни: бери не то, что хочешь, а то, что можешь. Показателен сам факт, что купленная не слишком желанная книга (которая, скорее всего, не будет прочитана), будет стоять на полке, что было важно само по себе.

⁴ Включен Министерством юстиции РФ в Реестр иностранных агентов: Реестр иностранных агентов // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov> (дата обращения: 23.12.2025).

⁵ Статья 1988 года.

По данным опроса «Чтение в вашей жизни», проведенного в середине 1980-х гг. (жители 24 городов РСФСР по репрезентативной выборке) на вопрос «Можете ли вы найти в магазинах книги, которые хотели бы вы купить?» лишь 4,8 % респондентов ответили, что находят все или большинство интересующих их книг [Чтение в вашей жизни, 1987].

Экономика дефицита распространялась и на книгоиздание: популярные жанры детектива и фантастики занимали ограниченное место в издательских планах, так же, как и литература по домоводству, детская литература и многое другое. В недостаточном количестве издавалась зарубежная литература: в 1975 г. число иностранных книг и брошюр, переведенных на русский язык, составляло лишь 4 % от общего числа изданных в СССР, в 1980 г. – 2,3 %, а в 1985 – 2,4 % [Стельмах, 1998, с. 275]. При этом непропорционально большое место в издательской продукции занимала так называемая секретарская литература, то есть сочинения литературных начальников, секретарей Союза советских писателей, печатавшаяся часто и большими тиражами. Менее 1 % членов Союза писателей издали за 1981–1986 гг. по 30 книг и более, но у 20 % писателей за это время не вышло ни одной [Цесарская, 1993, с. 12]. Такая ситуация сложилась после передачи функции формирования издательских планов (в порядке демократизации) Союзу писателей [Стукалин, 2002, с. 208]. Книги одних авторов «секретарской» литературы, например Г. Маркова, А. Иванова, пользовались широкой и устойчивой популярностью, других – практически не имели спроса, как С. Сартакова или поэта Е. Исаева. Налицо характерная примета позднего, «брежневского» социализма: не давление сверху, не идеологический контроль, а клановые связи определяли несправедливый порядок.

Выпуск русской классической литературы превышал число возможных потребителей и количество домашних библиотек. Например, А. Пушкин издавался с 1948 по 1988 г. 1 999 раз общим тиражом 339,7 млн экземпляров, А. Чехов выдержал 1 120 изданий тиражом 176,4 млн экземпляров, Л. Толстой – 2 191 издание общим тиражом 408,8 млн экземпляров. Сочинения именно этих писателей Гослитиздат планировал в конце 1980-х гг. издать по безлимитной подписке разовыми многомиллионными тиражами. Секрет прост: классика обходилась издательству значительно дешевле, чем современная литература [Цесарская, 1991, с. 18].

На книжную продукцию распространялся и другой принцип позднесоветской экономики: «магазины пустые, но холодильники в домах заполнены», то есть гибкая социальная система предоставляла возможности восполнить дефицит. Как уже говорилось, в книгоиздании детективы

занимали небольшое, явно недостаточное для удовлетворения читательского спроса, место. Однако всякий работавший в то время в массовых библиотеках знает, каким спросом пользовались республиканские и периферийные журналы: «Звезда востока», «Простор», «Подъем» и др.⁶, публиковавшие переводы зарубежных детективов. Поскольку набор таких журналов имелся в большинстве библиотек, любители жанра были удовлетворены. Читатели, интересовавшиеся современной зарубежной гуманитарной наукой, могли воспользоваться – непосредственно или через знакомых – системой изданий «для служебного пользования» (ДСП) Института научной информации по общественным наукам.

Активно работал восполнявший пробелы государственной торговли книжный черный рынок, где практиковалась нелегальная допечатка изданий, пользующихся повышенным спросом. Государством была предпринята попытка удовлетворить реальный читательский спрос в ходе знаменитого «макулатурного эксперимента», когда в обмен на сданные 20 кг бумажных отходов можно было получить «книги повышенного спроса»: произведения А. Дюма, У. Коллинза, Г. К. Честертона и др. [Левинсон, 1985]. Но все-таки главный козырь государственной издательской политики был не в этом: время от времени читающая интеллигенция получала «подарок» – выходили в свет произведения, долгое время недоступные. Еще в 1960-е гг. такими общественными событиями стали собрание сочинений И. А. Бунина, однотомник Ф. Кафки и публикация в журнале «Москва» «Мастера и Маргариты» М. Булгакова; затем последовали двухтомник К. Гамсуна, сборник стихотворений О. Мандельштама и многое другое. Новых авторов и новые произведения открывал для советских читателей журнал «Иностранная литература», занимавший в издательской системе особое положение.

Представляется плодотворным подход к позднесоветской системе книгораспространения как к своеобразной экосистеме, обеспечивавшей стабильность в обществе. При всем обилии пропагандистской и издававшейся большими тиражами «секретарской» литературы в обществе не возникало ощущения застоя. Каждый издательский подарок воспринимался интеллигенцией как

⁶ Республиканские литературные журналы издавались республиканскими издательствами и республиканскими союзами писателей. «Простор» – орган Союза писателей Казахстана. Периферийные (наверное, правильнее – региональные) журналы были органами региональных организаций Союза советских писателей: «Подъем» издавался в Воронеже, был органом Воронежской писательской организации, но вместе с тем считался журналом литераторов всего Центрального Черноземья; «Волга», выходившая в Саратове, считалась журналом не только саратовских, но и всех писателей Поволжья.

уступка властей, расширение границ дозволенного в рамках системы, представлявшейся неизбежной. Это чувство прочности, долговечности сложившейся структуры и определяло жизнь советских людей, включая их читательское поведение.

При этом важной тенденцией 1970-х – первой половины 1980-х гг. было нарастающее отчуждение между властью и интеллигенцией. Это проявилось не только в росте диссидентского движения, но и в формировании «параллельной» гуманитарной науки: независимой социологии (А. Алексеев и его группа), независимой исторической науки (сборник «Память»), различного рода научных и полунануальных семинаров (в Ленинграде – семинар С. Маслова, в Москве и других городах – многочисленные семинары ученых-отказников⁷). Популярно было «чтение и распространение» самиздата и тамиздата [Гудков⁸, Дубин, 1995, с. 46–52; Равинский, 2014]. При этом налаживалась независимая система самиздатской периодики, вокруг которой формировался коллектив авторов, издателей, распространителей. Возникли первые подпольные библиотеки [Струкова, 2024].

Годы перестройки (1986–1991 гг.)

Как известно, разрушение системы началось с гласности, то есть разрешенной до известного предела свободы высказываний в рамках «социалистического плюрализма мнений». В плане издания художественной литературы гласность проявилась как продолжение традиции «подарков» – выхода в свет отвергнутых в свое время издательствами произведений официально признанных советских писателей. Многие, как, например, роман В. Дудинцева, отвергались по цензурным соображениям буквально за несколько месяцев до публикации. В журналах были напечатаны произведения «Стук в дверь» И. Герасимова, «Новое назначение» А. Бека, «Белые одежды» В. Дудинцева, «Зубр» Д. Гранина, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана. Подчеркнем, что это были произведения «из стола», то есть написанные с расчетом на публикацию, но не прошедшие централизованный контроль, а не написанные «в стол», без надежды на появление в подцензурной советской печати. Но их выход в свет отражал ритм времени, и ситуация в литературе менялась на глазах; примечательно, что все они были посвящены советской истории,

вписываясь в пафос начального этапа гласности – разоблачение сталинизма.

Самым известным из этого ряда стал роман А. Рыбакова «Дети Арбата». Его появление в апрельском номере 1986 г. «Дружбы народов» (до этого была предварительная публикация отрывка в «Огоньке», подготовившая общественное мнение) стало важным общественным событием. «Роман печатается. И сразу ажиотаж. В редакции тревога: рабочие типографии берут себе по десять экземпляров – ничего не останется для свободной продажи. И на почте тревога: журналы воруют из ящиков в подъездах, подписчикам объявлено: «Дружба народов» будет выдаваться только в почтовом отделении по предъявлении паспорта. То же происходило с майским и июньскими номерами. В библиотеках очередь на роман на год вперед. Называют астрономические цифры стоимости журналов на «черном» рынке. Читают коллективно, вслух, снимают на ксероксе. У нас непрерывные телефонные звонки из разных городов, приезжают незнакомые люди» [Рыбаков, 1997, с. 354]. А. Рыбаков приводит цитаты из полученных в те дни писем: ««Дети Арбата» перевернули мне душу, вот уже сколько дней хожу потрясенная...», «На фоне океана литературной лжи «Дети Арбата» производят ошеломляющее впечатление...» и т. д. Но были и другие письма: «Автор клеветает на самое святое, что есть в сердце настоящего русского человека, на великого вождя и учителя земли русской Иосифа Виссарионовича Сталина. Мы требуем привлечь этих подонков и их главаря А. Н. Рыбакова к суду русского народа», «Я бы за этот роман расстрелял бы и Рыбакова и всю редакцию...» [Рыбаков, 1997, с. 355–356]. Как видим, литература становилась триггером для идейного размежевания.

Настроения 1986–1990-х гг. в массовых библиотеках проявлялись в так называемом журнальном буме: читатели упрашивали библиотекаря выдать любой свежий номер любого журнала, понимая, что там обязательно найдется что-то «с переднего края гласности». Книгоиздание долгое время отставало от динамики времени, именно периодика стала рупором гласности, и два еженедельных издания – «Московские новости» и «Огонек» – задавали ритм.

До определенного момента, когда возникло и набрало силу митинговое движение, именно чтение и обсуждение новинок оставалось главным проявлением гражданской инициативы. Гласность создала возможности для открытого обсуждения острых социальных и даже политических проблем, через отношение к литературным новинкам осознала и оформлялась идеологическая идентичность граждан. Существенным фактором стало появление общественных библиотек, где можно было познакомиться с самиздатом и тамиздатом.

⁷ Многочисленные свидетельства о подобных практиках сохранились в дневниках и воспоминаниях деятелей науки (см., например: Рубин В. А. Дневник // Прожито / Европейский университет в Санкт-Петербурге. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/43397> (дата обращения: 02.02.2026)).

⁸ Включен Министерством юстиции РФ в Реестр иностранных агентов: Реестр иностранных агентов // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov> (дата обращения: 23.12.2025).

Важно подчеркнуть, что такого рода литература еще оставалась за границами разрешенного в государственной печати (и тем более в библиотеках), но ее чтение и распространение уже не преследовались. Такова характерная черта «эпохи гласности»: ее границы раздвигались сами собой [Бутенко, 1991а; Рейтблат, 1995; Равинский, 2003].

При этом, хотя с началом гласности упал спрос на традиционную советскую литературу о войне и революции, на семейно-бытовые романы-эпопеи и др., (в 1980 г. книги А. Иванова стоили на черном рынке 130 руб., а в 1987 – 75, стоимость произведений Г. Маркова снизилась с 60 до 30 руб. [Бутенко, 1991b, с. 11]), в 1980-е гг. советская литература продолжала составлять около 80 % совокупного реального чтения молодежи. Отвечая на вопрос «Что вы читали вчера?», каждый третий респондент исследования «Юный читатель 80-х годов» назвал книги советских авторов, а зарубежных – менее 15 % респондентов. Однако в ответах на вопрос «Что вы хотели бы прочесть в ближайшее время?» книги зарубежных авторов, в основном остросюжетная литература, составили более 54 % всей желаемой беллетристики [Самохина, 1998, с. 142]. Реальное чтение определялось учебными программами школ и других средних учебных заведений, а также доступными фондами массовых и учебных библиотек.

Постсоветский период (девяностые годы)

Гласность открыла для массового читателя огромный пласт новой и «возвращенной» литературы. Вопрос, однако, в том, насколько подготовленным к ее восприятию оказался массовый советский читатель. Г. Р. Якимов на основании серии проведенных в 1987–1991 гг. опросов читателей массовых библиотек восьми регионов России утверждает, что хотя «поначалу библиотечный читатель проявил (равно как и весь читательский мир) небывалый интерес к «новой» литературе, однако он же оказался совершенно неподготовлен к такому развороту событий, ибо библиотеки были лишены маневренности в комплектовании своих фондов и не могли оперативно реагировать на изменение читательских интересов» [Якимов, 1995, с. 103]. Реакция на ажиотажный спрос была традиционной для советского быта – появились очереди за дефицитными книгами. «Особенно многочисленными стали «очереди» в московских библиотеках: по самым скромным подсчетам, к последнему записавшемуся в список читателю интересующее его произведение попадало бы как минимум через два, а то и три года» [Якимов, 1995, с. 104]. Разумеется, читатели массовых библиотек составляют лишь часть «читательского мира», включая группы с низким образованием и скромным читательским опытом, но именно их вкусы показательны для эволюции массового чтения.

По мнению социологов, спад интереса к «новой» и «возвращенной» литературе активно проявился начиная с 1990 г. Наметилась усталость от негативной информации, захлестнувшей СМИ и литературу за прошедшие несколько лет. Люди не хотели читать ни о сталинских лагерях, ни о современных местах заключения, интерес к белым пятнам истории страны сменялся недовольством «очернением нашего прошлого». Ухудшение социально-экономической обстановки побуждало к поиску психологической защиты. Показательны данные о положении дел с чтением «возвращенной литературы» среди молодежи, казалось бы, в наибольшей степени открытой для нового. «Кострома. 1990 год. Областная юношеская библиотека. Абонемент. В фонде открытого доступа стоят ни разу не востребованные издания Б. Пильняка «Повесть непогашенной луны», Б. Зайцева «Синяя звезда», И. Шмелева «Лето господне». <...> В книгохранилище в том же первозданном виде еще 22 экземпляра сочинений А. Платонова, 23 – М. Булгакова, 8 – М. Цветаевой. При этом на подходе в отделе комплектования – еще 20 экземпляров сборника М. Цветаевой (разных издательств), 19 – М. Булгакова, 10 – А. Белого, 9 – В. Ходасевича и т. д. Схожая картина и в Республиканской юношеской библиотеке Республики Коми в Сыктывкаре 1991 г. Ни разу не выдавались вышедшие в 1988 г. книги А. Платонова «Котлован» и «Чевенгур», ни разу не брали и изданные в том же году сборники И. Шмелева, А. Аверченко, Ф. Искандера, В. Ходасевича. Не пользуются спросом книги Б. Пильняка, Е. Гинзбург, А. Галича, К. Вагинова, Н. Берберовой. Близкая к этому ситуация и во многих других юношеских библиотеках» [Цесарская, 1993, с. 12].

Радикальные реформы начала 1990-х гг. определили негативные тенденции в духовно-культурной сфере, отчетливо обозначившиеся к середине десятилетия. Падение тиражей художественной и детской литературы происходило в 1991–1993 гг. примерно на 20 % в год, правда число выпускаемых названий увеличилось, но всего на 5 %. Однако в 1994 г. произошло резкое падение (почти наполовину) тиражей художественной и детской литературы, а число названий уменьшилось на 6,7 %. Эта тенденция продолжилась и в 1995 г., когда выпуск художественной и детской литературы сократился по названиям на 15 % по сравнению с 1994 г., а по тиражу на целых 45,6 %. В эти годы происходило и стойкое снижение важного показателя – числа книг и брошюр, выпущенных за год на 100 человек населения: с 1 906 экземпляров в 1991 г. до 291 – в 1995-м, что ниже даже уровня далекого 1940 г., когда этот показатель равнялся примерно 400 [Соловьев, 1997, с. 156].

Сокращение тиражей происходило на протяжении всех 1990-х. Если в 1990 г. средний тираж

составлял 38 тыс. экземпляров, то в 1995-м он едва достигал 14 тыс., в 2000-м равнялся 8 тыс., а к февралю 2002 г. составил 7 710 экземпляров. Одновременно происходила резкая поляризация изданий для узкого круга и для широкого читателя. Издания, вышедшие тиражом 50 тыс. и более в 2001 г., составили по названиям лишь 2,3 % всех книг, а малыми тиражами до – 500 экземпляров – 35,5 % годового выпуска 2001 г. [Дубин, 2007, с. 222]. Это означало, с одной стороны, востребованность изданий «для умных» – научных работников, преподавателей вузов и т. д., поддержание и воспроизводство интеллектуальной элиты, а с другой – широкое распространение (vanity publishing) коммерческого книгоиздания: «за умеренную плату напечатаем вашу книгу».

Показательна еще одна тенденция книгоиздания тех лет. В 1992 г. из 115 авторов, чьи произведения были выпущены в РФ наибольшим тиражом, лишь 11 представляли Россию – царскую, советскую, «зарубежную»⁹. Круг издаваемых отечественных авторов – и классиков, и современных писателей – неуклонно сужался, показатели изданий также были невелики. Происходило фронтальное наступление массовой культуры, образцы которой в те годы существовали в основном на Западе. Наметившийся в перестроечные годы интерес к русскому зарубежью прошел свой пик. Показательно, например, что в 1994 г. совокупный тираж таких видных писателей, как В. Аксенов, М. Алданов, И. Бродский, В. Войнович, В. Набоков, не достигал и до трети тиражей автора остросюжетных романов Э. Тополя [Соловьев, 1997, с. 156].

Завершение эпохи перестройки и гласности с ее надеждами – 1990–1991 гг. Эйфория после победы демократии над коммунистическими путчистами в августе 1991 г. вскоре уступила место тревоге и унынию после распада Советского Союза и «шоковой терапии» 1992 г. Ощущение движения вперед сменилось чувством времени, которое нужно пережить. Начался не только новый этап истории страны, но и новый этап эволюции массового чтения. Показателем стало обвальное падение тиражей «толстых» журналов, столь популярных в годы перестройки, и нарушение регулярности их выхода.

Вместе с тем окончательное снятие цензурных ограничений и бурное распространение негосударственных издательств создали безграничные возможности для удовлетворения разнообразных читательских интересов. Экономические реформы открыли новые перспективы для образования и карьеры. Однако если говорить о тенденциях массового чтения, то они сформировались

вполне определенным образом. В опросе читателей в публичных библиотеках ряда областей России, проведенном РГБ летом 1994 г., спрашивали, какие книги им хотелось бы прочитать. Первые места в процентах от общего числа опрошенных в библиотеке книг заняли

детективы	20 %
любовно-сентиментальный роман	8,9 %
фантастика	8,8 %
приключенческие романы	6,9 %
исторические романы	4,2 %.

Социологические исследования однозначно определяют жанровые предпочтения россиян: первые места занимали детективы и любовные романы, далее следовали фантастика (чаще фэнтези, чем научная фантастика), исторические романы, затем – в существенном отдалении – классика, в особенности входившая в учебные программы. Аутсайдерами читательского спроса оказались современная отечественная проза и поэзия. Доминирование массовой, формульной литературы – характерная черта девяностых. Нельзя утверждать, как иногда делается, что в СССР отсутствовала подобная литература – спрос неизбежно порождает предложение.

Безусловно, читатели массовых библиотек – достаточно специфическая категория, и в те годы более или менее обеспеченные граждане предпочитали книги покупать, а не брать в библиотеке. Проведенный в том же 1994 г. РГБ совместно со ВЦИОМом опрос населения России выявил читательские интересы новых, ориентированных на вертикальную мобильность, групп населения. 4,1 % тех, кто вообще покупал книги, приобретали литературу по бизнесу, менеджменту, финансам и праву; 14,8 % – различные словари, энциклопедии, справочники; 9,4 % – литературу для изучения иностранных языков. В то же время 12,6 % приобретали религиозную и квазирелигиозную литературу; а 8,7 % – работы русских религиозных философов, книги о восточных религиях и философии, о парапсихологии и оккультизме.

Стоит учесть и еще один фактор. Известный американский социолог Р. Мертон, исследуя поведение людей во времена экономического кризиса, ввел понятие «двойной неудачи» (double failure), когда человек осознает, что не сможет законным путем (усердной работой, исполнительностью, талантом) получить те блага, на которые он считал себя вправе рассчитывать, и одновременно понимает, что и незаконными путями он эти блага получить не сможет – из-за морального отвращения, страха, неуверенности в себе. Вот эта двойная неудача и толкает людей к алкоголизму, наркотикам, суициду. Поскольку подобная «двойная неудача» во многом сформировала психологический климат 1990-х в России, то возник и запрос на «наркотическое» потребление культурной продукции.

⁹ «Русская зарубежная литература» в таком контексте – литература русской эмиграции, а также небольшое количество сочинений авторов, живших в СССР и печатавших свои произведения на Западе без санкции властей.

В городской библиотеке небольшого г. Мышкина Ярославской области библиотекари провели опрос любителей (точнее, любительниц) любовных романов. Показательны несколько ответов: «Это как наркотик, не думаю, не чувствую, не знаю» (агроном, 49 лет); «Мне все равно, что читать. Лишь бы не думать» (безработная, 49 лет); «Я их читаю для отдыха. Проблем у меня много. А почитаю эти романы, как будто в другом мире побываю» (воспитательница детского сада, 34 года) [Лебедева, 1999]. Эта картина вполне типична для тех, да и последующих лет.

Изучение неудовлетворенного спроса в библиотеках Белгорода, проведенное ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне – Российская национальная библиотека) в конце 1980-х, выявило трех абсолютных лидеров: В. Пикуля, Ю. Семенова и А. Кристи – знаковые фигуры особых жанров массовой литературы. Пикуль стал в 1970-е гг. популярен как создатель авантурных исторических (или псевдоисторических) романов. Исторические романы всегда пользовались успехом (вспомним первый русский бестселлер – «Юрий Милославский»), но успех Пикуля совпал с подъемом интереса к отечественной истории. Ю. Семенов – создатель советского политического детектива. Поскольку пользовавшиеся когда-то огромным успехом романы Г. Борна и Г. Самарова советскому читателю были неизвестны, а «Поджигатели» Н. Шпанова давно ушли из актуального чтения, романы Ю. Семенова воспринимались как новый, своеобразный жанр. Что же касается А. Кристи, то она, с одной стороны, была самым известным представителем жанра классического детектива, с другой – создателем специфического субжанра – так называемых коузи (уютных) детективов, где зловещие события разворачиваются в идиллической обстановке мирной провинции. Сформировались в 1970-е гг. и жанры экзотической («Цыган» А. Калинина) и любовной мелодрам (повести о «трудном женском счастье») и т. д.

Образцовым был все-таки западный масскульт, поэтому, например, среди самых читаемых авторов в сельских районах Пермской области в середине 1990-х оказались зарубежные авторы: А. и С. Голон, А. Дюма, М. Митчелл, А. Риплей, Э. Берроуз, Р. Майлз, К. Маккалоу, Т. Драйзер, М. Дрюон, Ш. Бронте [Базилевич, Ведерникова, 1995, с. 16]. Позднее, когда появились отечественные произведения, написанные по западным рецептам формульной литературы, интерес к зарубежным произведениям пошел на спад.

По подсчетам А. И. Рейтблата, из выпущенных в 1999 г. 2 058 беллетристических книг на долю детективов пришлось 434 названия, любовных романов – 475, фантастических – 157, исторических – 30 [Рейтблат, 2001]. Примечательно, что среди детективов в том году преобладали не зарубежные,

а отечественные. Поскольку женщин среди активных читателей больше, на российском книжном рынке скоро утвердились «женские детективы», написанные женщинами, с героиней-женщиной, включающие элементы любовного романа. Полина Дашкова (Т. В. Поляченко), Татьяна Устинова, Татьяна Полякова (Т. В. Роганова) – лишь некоторые из авторов. Показательно, что когда издатели решили создать фиктивный авторский бренд, за которым скрывалась большая группа «невидимок», то выбран был женский образ: Марина Серова. Однако всех превзошли Александра Маринина (М. Алексеева) и Дарья Донцова (А. Донцова), чьи книги на протяжении многих лет расходились огромными тиражами.

К 1994 г. место советских детективов в читательском спросе заняли зарубежные. Во всех исследованиях первой половины 1990-х гг. самым популярным автором оказывался американец Д. Х. Чейз, знаковый представитель субжанра так называемого крутого детектива (hard-boiled), в доперестроечное время мало знакомого нашему читателю. В число лидеров неизменно попадала и Ж. Бенцони, автор приключенческих исторических романов, в центре которых – героиня (в библиотечных кругах этот субжанр обычно обозначался «Анжелика», по названию серии романов А. и С. Голон). Наконец, среди образованных читательниц были популярны романы Иоанны Хмелевской (И. Б. Кун), которые можно отнести к субжанру «женского иронического детектива».

После середины 1990-х гг. ситуация изменилась. Характерный для последних лет советской власти интерес к тому, «как там, у них», желание отвлечься от повседневных забот, как будто побывав на другой планете, заметно ослабло. Люди по-прежнему хотели увлекательных историй со счастливым концом, но – на близком им материале. Постепенно обозначалось и разочарование в западных либеральных ценностях, в западном образе жизни: «у нас свой путь, отличный от других».

Отметим несколько попыток создания новой русской массовой литературы. Традиционно популярный в России исторический роман получил новое, «интеллигентное» воплощение в книгах Бориса Акунина (Г. Чхартишвили^{*10}), соединявших элементы детектива и исторического романа. В те же годы появилось на книжном рынке историческое русское фэнтези (М. Семеновой), с энтузиазмом

¹⁰ Включен Министерством юстиции РФ в Реестр иностранных агентов: Реестр иностранных агентов // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov> (дата обращения: 23.12.2025). Включен Росфинмониторингом в Перечень террористов и экстремистов: Перечень террористов и экстремистов // Федеральная служба по финансовому мониторингу : сайт. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения: 23.12.2025).

принятое читателями. Наконец, значительными тиражами стали издаваться русские боевики (этот субжанр проанализирован Б. В. Дубиным на материале произведений В. Доценко [Дубин, 2001, с. 218–242]).

Однако все эти более или менее успешные литературные начинания не затрагивали основу массового чтения: такая роль выпала в девяностые годы только одному автору – А. Марининой. А. И. Рейтблат, подводя итоги 1990-х гг., утверждает, что ушло время, когда россияне массово читали что-нибудь одно, и тут же добавляет: за исключением, может быть, книг А. Марининой. Начиная с середины 1990-х книги этого автора неизменно занимали первое место в списке приобретаемых. Астрономические тиражи Марининой – характерная черта книжного рынка тех лет. Феномен Марининой требует изучения (вышел в свет сборник материалов специальной конференции, посвященной ее творчеству¹¹). На наш взгляд, успех этого автора обусловлен удачным сочетанием «женского детектива» с убедительным изображением жестокого мира российских 1990-х и с реалистичным, со знанием дела, описанием работы правоохранительных органов (Маринина служила и вышла в отставку в звании подполковника милиции). Зло в романах Марининой могущественно, затрагивает властные структуры, но в конце концов побеждено силами Добра, воплощенными в героине, сотруднике полиции Насе Каменской, обладающей замечательными аналитическими способностями. Набор вполне традиционный, но именно он оказался наиболее отвечающим невротизму 1990-х гг.

Итоги «длинных девяностых» (закончившихся в 2002–2003 гг.) отражают результаты всероссийского опроса, проведенного РГБ в 1999 г. В ответах на вопрос «Если вы читаете книги, назовите, пожалуйста, некоторые прочитанные в прошлом году книги» с большим отрывом лидирует А. Маринина. Затем следуют Д. Х. Чейз, В. Пикуль, А. Кристи, Л. Толстой, Ан. Иванов, Н. Леонов, К. Маккалоу, М. Митчелл, Ф. Достоевский, Д. Корецкий, А. Чехов, Ф. Незнанский, П. Дашкова, В. Доценко [Рейтблат, 2001, с. 57]. Как видим, мастера остросюжетного жанра и любовного романа по-прежнему в лидерах массового чтения, как и классики из школьной программы. Объяснимо и присутствие в списке лидеров неудовлетворенного спроса начала 1980-х г. – теперь, наконец, удалось прочитать их произведения.

Но главные изменения заключались в том, что россияне стали меньше читать (или стали честнее

в этом признаваться). При сопоставлении данных из исследований массового чтения россиян в 1994 и 2003 гг. видим такие результаты.

Чтение книг (в % к числу опрошенных)

	1994 г.	2003 г.
Читают постоянно	49	26
От случая к случаю	48	40
Никогда	23	34

[Стельмах, 2004, с. 97–98].

А вот число покупателей книг за десятилетие уменьшилось в 2,5 раза, и дело не только в росте цен на книжные издания, но и в снижении престижности домашней библиотеки.

Наличие книг дома (в % от числа опрошенных):

	1994 г.	2003 г.
Нет книг	24	30
До 100 книг	34	37
100–300	21	21
300–500	11	7
500–1000	6	3
Более 1000	4	1

[Стельмах, 2004, с. 97–98].

Заключение

Процессы, происходящие в России, не уникальны. Как пишет Ю. П. Мелентьева, «исследования, проводившиеся в последние 5–7 лет, показывают, что существуют общие для большинства стран тренды:

- на чтение затрачивается все меньше времени;
- изменяется структура чтения;
- для коммуникации все реже используется печатное слово, предпочтение отдается электронным средствам связи;
- растут продажи аудиокассет, а продажи книг падают;
- с одной стороны, чтение все чаще относят к развлечению и занятиям, не требующим напряжения, с другой стороны, все больше молодых людей испытывают трудности с пониманием даже простых текстов» [Мелентьева, 2007, с. 120].

Но у России «особенная статья». Две тенденции, кажется, определяют ближайшее будущее массового чтения. Во-первых, исчезновение больших домашних библиотек, выступавших одним из главных каналов воспроизводства интеллигенции, привело к унификации вкусов и запросов в области чтения. Но еще важнее то, что изменился сам характер чтения. Согласимся с мыслью И. Бутенко, что «литературное творчество в условиях довольно жесткой царской цензуры, начавшейся с запрета на ввоз в Россию некоторых книг и с издания цензурного указа в 1804 г., парадоксальным образом оказалось единственным влиятельным каналом выражения и обсуждения острых проблем. В стране сложилась практика вдумчивого чтения,

¹¹ Творчество Александры Марининой как отражение современной российской ментальности: Междунар. конф. (Париж, 19–20 окт. 2001 г.) / под ред. Е. И. Трофимовой. Москва: ИНИОН РАН, 2002. 189 с.

когда читатель стремился извлечь из текста то, что мог бы, но в силу цензурных ограничений не написал писатель, то есть вычитывать значительно больше непосредственно напечатанного, а затем сверять свои впечатления с другими читателями. Это придавало печатному слову особый статус, во многом сохранявшийся вплоть до 1990-х гг.» [Бутенко, 1997, с. 50].

Конечно же, такое вдумчивое чтение было характерно для советского периода, но уже в его конце наметились перемены. Как отмечает Г. Р. Якимов, «сращивание стандартов повседневного поведения со сферой чтения было зафиксировано уже во второй половине 1980-х гг. Тогда мы обратили внимание на следующие факты: около 70 % опрошенных жителей 24 крупных городов России преимущественно совмещают чтение с другими занятиями. Например, 20 % из них читают перед экраном телевизора, более 15 % – готовя еду или стирая, около 10 % – на работе, 7 % – в нервной обстановке очередей и т. д. (результаты опросов того времени)» [Якимов, 1995, с. 110].

Во-вторых, в России первых десятилетий XXI в. большим престижем пользовалось высшее образование. Как следствие, ряд издательств специализировался на издании серьезной научной литературы, выпуская ее небольшими тиражами. Сложилась

система книжных магазинов, торгующих подобной «элитарной» литературой (характерно название одного из таких магазинов – «Свои книги»). Можно предполагать, что существующая тенденция расслоения общества на «массу» и «элиту» только усилится.

В начале XXI в. Россия вступила в новый этап своей истории. Стали ли россияне меньше читать? Вопрос не столь прост, поскольку не ясно, следует ли учитывать чтение и серфинг в интернете? Определенно можно утверждать, что изменился характер чтения, а трудности с восприятием больших текстов наблюдаются не только у молодых людей, и, как справедливо отметила Ю. П. Мелентьева, это общемировая тенденция.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest related to this article.

Список источников / References

Анализ первичной статистики как условие управления единым фондом ЦБС : метод. рекомендации / сост. Т. А. Мистрюкова. Москва : ГБЛ, 1983. 40 с. [Mistryukova TA (comp.) (1983) Analysis of primary statistics as a condition for management of the unified fund of the Centralized Library System: methodol. recommendations. Moscow: GBL. (In Russ.)].

Базилевич О., Ведерникова Л. Определить приоритеты // Библиотека. 1995. № 3. С. 15–17 [Bazilevich O and Vedernikova L (1995) Set priorities. *Biblioteka* 3: 15–17. (In Russ.)].

Бутенко И. Групповой портрет в интерьере независимой библиотеки // Библиотекарь. 1991а. № 4. С. 38–39 [Butenko I (1991) Group portrait in the interior of an independent library. *Bibliotekar'* 4: 38–39. (In Russ.)].

Бутенко И. Массовое чтение времен оттепели и перестройки // Библиотекарь. 1991б. № 5. С. 11–13 [Butenko I (1991) Mass reading of the Thaw and Perestroika periods. *Bibliotekar'* 5: 11–13. (In Russ.)].

Бутенко И. Тенденции массового чтения // Читающая Россия: мифы и реальность. Москва, 1997. С. 50–53 [Butenko I (1997) Mass reading trends. *Chitayushchaya Rossiya: mify i real'nost'*. Moscow, pp. 50–53. (In Russ.)].

Гудков Л. Д.^{*12}, Дубин Б. В. Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. Москва : ЭПИцентр ; Харьков : Фолио, 1995. 189 с. [Gudkov LD and Dubin BV (1995) The intelligentsia: notes on literary and political illusions. Moscow: EPItsentr; Kharkov: Folio. (In Russ.)].

Добренко Е. А. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. Санкт-Петербург : Акад. проект, 1997. 321 с. [Dobrenko EA (1997) Formation of the Soviet reader: social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature. Saint Petersburg: Akad. proekt. (In Russ.)].

Добрынина Н. Е., Рейтблат А. И. Состояние чтения в 70-е – 80-е гг. Статистико-социологический обзор // Книга и чтение в зеркале социологии. Москва, 1990. С. 14–25 [Dobrynina NE and Reitblat AI (1990) The state of reading in the 70s – 80s. Statistical and sociological review. *Kniga i chtenie v zerkale sotsiologii*. Moscow, pp. 14–25. (In Russ.)].

Дубин Б. Жить в России на рубеже столетий : социол. очерки и разраб. Москва : Прогресс-Традиция, 2007.

¹² Включен Министерством юстиции РФ в Реестр иностранных агентов: Реестр иностранных агентов // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov> (дата обращения: 23.12.2025).

408 с. [Dubin B (2007) *Living in Russia at the turn of the century: sociological essays and developments*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)].

Дубин Б. В. Слово – письмо – литература : очерки по социологии соврем. культуры. Москва : Новое лит. обозрение, 2001. 416 с. [Dubin BV (2001) *Word – writing – literature: essays on the sociology of modern culture*. Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russ.)].

Лебедева Г. Тот самый социальный фактор // Библиотека. 1999. № 3. С. 53–55 [Lebedeva G (1999) *That very social factor*. *Biblioteka* 3: 53–55. (In Russ.)].

Левинсон А. Г. Макулатура и книги // Чтение: проблемы и разработки. Москва, 1985. С. 63–88 [Levinson AG (1985) *Waste paper and books*. *Chtenie: problemy i razrabotki*. Moscow, pp. 63–88. (In Russ.)].

Мелентьева Ю. П. Чтение, читатель, библиотека в изменяющемся мире. Москва : Наука, 2007. 355 с. [Melent'eva YuP (2007) *Reading, reader, library in a changing world*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Равинский Д. К. К истории подпольного чтения в СССР // История книги и цензуры в России. Вторые Блюмовские чтения : материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Арлена Викторовича Блюма (21–22 мая 2013 г.). Санкт-Петербург, 2014. С. 158–160 [Ravinskii DK (2014) *On the history of underground reading in the USSR*. *Istoriya knigi i tsenzury v Rossii. Vtorye Blyumovskie chteniya: materialy II Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. pamyati Arlena Viktorovicha Blyuma (21–22 maya 2013 g.)*. Saint Petersburg, pp. 158–160. (In Russ.)].

Равинский Д. К. Независимые библиотеки Ленинграда (конец 1980-х – начало 1990-х годов) // История библиотечного, книжного и архивного дела Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург, 2003. С. 79–84 [Ravinskii DK (2003) *Independent libraries of Leningrad (late 1980s – early 1990s)*. *Istoriya bibliotecnogo, knizhnogo i arkhivnogo dela Sankt-Peterburga*. Saint Petersburg, pp. 79–84. (In Russ.)].

Рейтблат А. И. Общественные библиотеки в России: современное состояние и перспективы развития // Библиотека и чтение: проблемы и исследования. Санкт-Петербург, 1995. С. 24–35 [Reitblat AI (1995) *Public libraries in Russia: current state and development prospects*. *Biblioteka i chtenie: problemy i issledovaniya*. Saint Petersburg, pp. 24–35. (In Russ.)].

Рейтблат А. И. Чтение в России: 1990-е годы // Библиотековедение. 2001. № 6. С. 54–61 [Reitblat AI (2001) *Reading in Russia: the 1990s*. *Bibliotekovedenie* 6: 54–61. (In Russ.)].

Рыбаков А. Н. Роман-воспоминание. Москва : Вагриус, 1997. 430 с. [Rybakov AN (1997) *The memoir novel*. Moscow: Vagrius. (In Russ.)].

Самохина М. М. Зеркало социальных перемен // Библиотечная жизнь Кузбасса. 1998. Вып. 3. С. 130–164

[Samokhina MM (1998) *The mirror of social change*. *Bibliotchnaya zhizn' Kuzbassa*. 3: 130–164. (In Russ.)].

Смородинская М. Д. Домашняя библиотека 80-х годов // Книга и чтение в зеркале социологии. Москва, 1990. С. 50–79 [Smorodinskaya MD (1990) *Home library of the 80s*. *Kniga i chtenie v zerkale sotsiologii*. Moscow, pp. 50–79. (In Russ.)].

Соловьев В. Н. Вначале будет слово. Печатное // Читающая Россия: мифы и реальность. Москва, 1997. С. 155–160 [Solov'ev VN (1997) *There will be a word first*. *Printed*. *Chitayushchaya Rossiya: mify i real'nost'*. Moscow, pp. 155–160. (In Russ.)].

Стельмах В. Д. Массовое чтение в последнее десятилетие // У книжной полки. 2004. № 4. С. 97–98 [Stel'makh VD (2004) *Mass reading in the last decade*. *U knizhnoi polki* 4: 97–98. (In Russ.)].

Стельмах В. Д. Чтение в постсоветской России // Библиотека и чтение в ситуации культурных изменений. Вологда, 1998. С. 270–280 [Stel'makh VD (1998) *Reading in post-Soviet Russia*. *Biblioteka i chtenie v situatsii kul'turnykh izmenenii*. Vologda, pp. 270–280. (In Russ.)].

Струкова Е. Н. Создатели и читатели Одесской библиотеки самиздата (1967–1982) // Книга. Чтение. Медиасреда. 2024. Т. 2, № 4. С. 305–312. [Strukova EN (2024) *The Developers and the Readers of the Odessa Samizdat Library (1967–1982)*. *Kniga. Chtenie. Mediasreda* 2(4): 305–312. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.20913/BRM-2-4-5>

Стукалин Б. И. Годы, дороги, лица... : воспоминания. Москва : Фонд им. И. Д. Сытина, 2002. 470 с. [Stukalin BI (2002) *Years, roads, faces...: memories*. Moscow: Fond im. I. D. Sytina. (In Russ.)].

Цесарская Г. «Возвращенная литература»? // Библиотека. 1993. № 3. С. 11–14 [Tsesarskaya G (1993) *"Returned literature"?* *Biblioteka* 3: 11–14. (In Russ.)].

Цесарская Г. Без хрестоматийного глянца // Библиотекарь. 1991. № 9. С. 17–20 [Tsesarskaya G (1991) *Without textbook gloss*. *Bibliotekar'* 9: 17–20. (In Russ.)].

Чтение в вашей жизни (по материалам социологического исследования) : предвар. отчет : [машинопись] / [подгот. А. И. Рейтблат]. Москва, 1987. 45 с. [Reitblat AI (prep.) (1987) *Reading in your life (based on the materials of a sociological study): prelim. rep.* [typescript]. Moscow. (In Russ.)].

Якимов Г. Р. Читательское поведение времен «перестройки» // Библиотека и чтение: проблемы и исследования. Санкт-Петербург, 1995. С. 99–111 [Yakimov GR (1995) *The reading behavior during the Perestroika period*. *Biblioteka i chtenie: problemy i issledovaniya*. Saint Petersburg, pp. 99–111. (In Russ.)].